

КУРТ (KURT) против ТУРЦИИ

Судебное решение от 25 мая 1998 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Заявительница, г-жа Кочери Курт, гражданка Турции, родилась в 1927 году. В настоящее время проживает в Бизмиле в юго-восточной части Турции. Ее сын Юзейир Курт был арестован представителями сил безопасности, проводившими военную операцию в ее родной деревне. После этого она больше не видела своего сына.

Для установления местонахождения сына г-жа Курт сразу же после его исчезновения обратилась к турецким властям. Полиция района проинформировала ее о том, что Юзейир не был арестован. Суд государственной безопасности также не располагал сведениями об аресте ее сына. 21 марта 1994 г. прокурор Бизмила заявил, что дело о похищении Юзейира выходит за рамки его компетенции, поскольку преступление совершено бойцами КРП. По утверждению турецких властей, имеются серьезные основания полагать, что Юзейир Курт либо покинул деревню во время операции, чтобы присоединиться к КРП, либо был похищен бойцами этой организации.

Заявительница утверждала, что с момента подачи жалобы в Комиссию она сама и ее адвокат подвергались целенаправленному давлению со стороны властей, чтобы вынудить ее отозвать свою жалобу. Правительство отрицает, что на заявительницу оказывалось давление. Власти стремились лишь выяснить, действительно ли г-жа Курт имела намерение подать жалобу на Турцию в Комиссию по правам человека. Одновременно Правительство заявило, что г-жа Курт была использована в политических целях враждебными государству элементами.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 11 мая 1994 г., г-жа Курт со ссылкой на статьи 2, 3, 5, 13, 14 и 18 Конвенции возложила ответственность за исчезновение сына на турецкие власти. Заявительница утверждала также, что власти нарушили ее право на подачу индивидуальной жалобы, предусмотренное статьей 25. Одновременно она потребовала справедливого возмещения ущерба на основании статьи 50 Конвенции. Жалоба была объявлена приемлемой 22 мая 1995 г.

В целях установления фактов, по которым Стороны не пришли к единому мнению, Комиссия направила трех своих представителей для опроса

свидетелей, участвовавших в судебном разбирательстве в Анкаре 8—9 февраля 1996 г.

После безуспешной попытки добиться мирового соглашения, Комиссия в докладе от 5 декабря 1996 г. установила факты и выразила мнение, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении сына заявительницы (единогласно), статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы (девятнадцать голосами против пяти), что нет необходимости рассматривать в отдельности жалобы по статьям 2 и 3 Конвенции в отношении сына заявительницы (единогласно), что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении заявительницы (единогласно), что отсутствует нарушение статей 14 и 18 Конвенции (единогласно), а также что Турция не выполнила свои обязательства по статье 25 п. 1 Конвенции (единогласно).

Комиссия передала дело в Суд 22 января 1997 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Первое предварительное возражение Правительства

76. Правительство утверждает, что г-жа Курт не намеревалась подавать жалобу в органы Конвенции. Целью ее обращения к прокурору и другим официальным должностным лицам (см. п. 39—43 выше) было выяснение судьбы своего сына, а также исключение вероятности того, что он мог быть арестован во время военной операции в деревне. Просьба г-жи Курт предоставить ей информацию о местонахождении сына была затем использована в собственных интересах Ассоциацией по правам человека Диярбакыра, которая сфабриковала ряд обвинений против турецкого государства и, манипулируя заявительницей, попыталась возложить ответственность за исчезновение ее сына на власти страны. Правительство настаивает на том, что г-жа Курт дважды по собственной инициативе посещала нотариальную контору в Бизмиле, чтобы дезавуировать свои утверждения, сделанные под давлением Ассоциации и включенные затем в ее жалобу, направленную в Комиссию.

77. Комиссия считает, что устные жалобы г-жи Курт представителям Комиссии подтверждают ее намерение продолжить ведение дела против турецких властей. По этой причине есть все основания предполагать, что жалоба г-жи Курт в Комиссию является выражением ее уверенности в том, что в исчезновении ее сына виновно государство независимо от того, принимала ли Ассоциация по правам человека Диярбакыра участие в составлении этой жалобы или нет (см. п. 17 и 50 выше).

78. Суд отмечает, что заявительница подтвердила свое желание принять участие в рассмотрении ее дела в Комиссии и с этой целью назначила своих представителей (см. п. 2 выше). Она лично участвовала в слушании дела в Суде. Кроме того, из заявления г-жи Курт, сделанного представителям Комиссии (см. п. 77 выше), следует вывод о том, что к моменту, когда она впервые установила связь с Ассоциацией по правам человека Диярбакыра (23 декабря 1993 г.), г-жа Курт уже добивалась проверки отказа влас-

тей признать, что ее сын был арестован и бесследно исчез. Именно таковой была суть ее жалобы на власти Турции. Она твердо придерживалась этой линии как в контактах с национальными властями (см. п. 37 выше), так и во время разбирательства дела в Комиссии. Таким образом, следует считать что, г-жа Курт добровольно и надлежащим образом осуществила свое право на индивидуальную жалобу.

Таким образом, данное возражение Правительства Судом отклоняется.

II. Второе предварительное возражение Правительства

79. Несмотря на то, что ранее в своем меморандуме Правительство не выдвигало данного возражения, тем не менее на слушаниях по делу, как и на стадии решения в Комиссии вопроса о приемлемости Правительство утверждало, что заявительница не исчерпала всех доступных и действенных правовых средств, которые предоставляло ей внутреннее право. Поэтому жалоба должна быть признана неприемлемой на основании статьи 26 Конвенции.

80. Правительство утверждает, что заявительница никогда не обращалась в национальные суды, чтобы оспорить факты, установленные властями, то есть что ее сын не был арестован в деревне и не содержится под стражей. Сама заявительница признает, что на нее не оказывалось давления со стороны властей с тем, чтобы убедить ее не обращаться в национальные суды. Если г-жа Курт настаивает на том, что государство имеет прямое отношение к исчезновению ее сына, то в этом случае турецкий закон гарантирует ей широкий спектр средств правовой защиты. Правительство подчеркивает, что она могла обжаловать действия властей в административном суде, который в подобных случаях обычно привлекает власти к строжайшей ответственности (см п. 56—58 выше). Более того, г-жа Курт могла бы прибегнуть к помощи уголовного законодательства, будучи уверенной в том, что ее сын лишен свободы или жизни не на законных основаниях или подвергнулся плохому обращению со стороны властей (см. п. 59 выше). Поскольку заявительница не использовала ни одно из указанных средств, то следует признать, что ее жалоба не удовлетворяет требованиям статьи 26 Конвенции.

81. Суд обращает внимание на то, что возражение Правительства не содержалось ранее в его меморандуме, а было высказано только во время устного разбирательства дела. Иначе говоря, государство-ответчик не уложились в сроки, установленные статьей 48 п. 1 Регламента А Суда, которое гласит:

“Если Сторона намерена выдвинуть предварительное возражение, то она должна сделать это в письменном мотивированном виде не позднее момента, когда Сторона уведомляет Председателя о своем намерении не представлять меморандум или до истечения срока, предусмотренного статьей 37 п. 1 для подачи первого меморандума”.

82. С учетом вышеизложенного, данное возражение Правительства также должно быть отклонено Судом (см. решение по делу *Олссон против Швеции* от 24 марта 1988 г. (Серия А, т. 130, с. 28, п. 56).

83. Суд также отмечает, что г-жа Курт сделала все возможное для рассмотрения ее жалобы на национальном уровне. Дважды она обращалась к прокурору Бизмила, а именно 30 ноября 1993 г. и 15 декабря 1993 г. Заяви-

тельница обращалась также в Суд по делам государственной безопасности в Диярбакыре 14 декабря 1993 г. (см. п. 39—43 выше). Однако ни в одном из этих случаев власти не приняли ее жалобу к рассмотрению, хотя она настаивала на том, что ее сын был арестован после вооруженного столкновения между солдатами и бойцами КРП в ее родной деревне. В жалобе от 15 декабря она заняла более решительную позицию, прямо указав, что опасается за жизнь сына. В день подачи заявительницей первой жалобы районное полицейское управление, а также капитан Курал из полицейского управления вилайета сообщили, что Юзейир Курт предположительно был похищен бойцами КРП. Однако никаких обоснований этой поспешной версии властей предоставлено не было, в том числе прокурором. Нежелание г-жи Курт согласиться с официальным объяснением властей подтверждается тем фактом, что она продолжала настаивать на предоставлении ей информации о местонахождении сына и при двух других своих контактах с властями. При этом она настойчиво заявляла, что ее сын арестован властями. Однако эти жалобы всерьез не воспринимались. Вместо этого власти продолжали настаивать на версии похищения ее сына бойцами КРП. Поскольку власти не осуществляли эффективного расследования ее жалобы, заявительница не видела смысла в использовании внутренних средств правовой защиты, перечисленных Правительством в его обращении в Суд.

По мнению Суда, эти доводы сами по себе являются достаточными, чтобы в свете его сложившейся судебной практики сделать вывод о том, что обстоятельства особого рода освобождали заявительницу от обязанности использовать все средства внутригосударственной правовой защиты. Это позволяет Суду отклонить предварительное возражение Правительства (см. среди прочего решение по делу *Акдивар и другие против Турции* от 16 сентября 1996 г., отчеты о судебных решениях, 1996-IV, с. 2275-2276, п. 65—69).

III. О предполагаемом нарушении статей 2, 3 и 5 Конвенции в отношении исчезновения сына заявительницы

84. Заявительница просит Суд на основании установленных Комиссией фактов подтвердить, что исчезновение ее сына влечет ответственность государства-ответчика по нарушенным им статьям 2, 3 и 5 Конвенции. Г-жа Курт полагает, что Суду следовало бы воспринять подход Американского суда по правам человека в рамках положений Межамериканской Конвенции по правам человека, а также Комитета по правам человека ООН, действующего в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах (см. п. 63—71 выше), и не ограничиваться рассмотрением дела ее сына только в свете статьи 5, но также принять во внимание и вопросы, регулируемые статьями 2 и 3 Конвенции.

85. Правительство утверждает, что выводы Комиссии и оценка ею доказательств страдают серьезными недостатками и не подтверждают нарушения Турцией статей Конвенции, на которые ссылается заявительница.

86. Комиссия, со своей стороны, сделала вывод о том, что государство-ответчик допустило вопиющее нарушение статьи 5 в целом. В связи с этим Комиссия не видит необходимости рассматривать отдельно жалобы заявительницы на нарушение статей 2 и 3 Конвенции.

А. Установление фактов

1. Аргументы сторон в Суде

(а) Комиссия

87. Во время выступления в Суде представитель Комиссии подчеркнул, что факты, установленные Комиссией, были получены путем предельно объективного и беспристрастного расследования, проведенного ее представителями. При этом материалы расследования, проведенного турецкими властями, в работе Комиссии не использовались. Комиссия видит непротиворечивость и противоречивость некоторых письменных и устных утверждений заявительницы относительно событий в деревне во время военной операции. Тем не менее по основным аспектам этих событий информация г-жи Курт признана достоверной и убедительной. Во время перекрестного допроса, на котором присутствовали юристы Правительства, заявительница всегда уверенно утверждала, что утром 25 ноября 1993 г. она видела своего сына во дворе дома Хасана Килича в окружении солдат и охранников. Предположения Правительства о том, что Юзейира Курта похитили бойцы КРП или что он покинул деревню, желая присоединиться к террористам, не основаны на фактах и не опровергают того, что заявительница видела арест сына собственными глазами.

88. Представитель Комиссии настаивал на том, что Комиссия должным образом рассмотрела каждое отдельное несоответствие в той версии происшедших событий, которую представила заявительница и на которые указало Правительство. В частности, тщательному анализу было подвергнуто кажущееся противоречивым заявление Хасана Килича, сделанное им офицерам полиции (см. п. 31 выше). Изложение фактов в его интерпретации вызвало сомнение относительно того, насколько точно заявительница помнила события утра 25 ноября 1993 г. Однако в отличие от заявительницы Хасан Килич не давал показаний перед представителями Комиссии. В целом к его показаниям надо относиться осторожно, поскольку с Хасаном Киличем беседовали те же самые офицеры, которые, по утверждению заявительницы, арестовали ее сына.

89. По вышеизложенным причинам представитель Комиссии просит Суд принять факты таковыми, какими они были представлены Комиссией (см. п. 53 выше).

(b) Заявительница

90. Заявительница согласилась с фактами, установленными Комиссией, а также со сделанными на основании их выводами и заключениями. Она действительно видела своего сына в окружении солдат и охранников во дворе дома Хасана Килича утром 25 ноября 1993 г. Г-жа Курт подтвердила в Суде, что больше никогда не видела сына.

(c) Правительство

91. Правительство решительно оспаривает выводы Комиссии и, в частности, неоправданно большое значение, которое Комиссия придает утверждениям заявительницы. Правительство настаивает на том, что заявительница по сути дела была единственным человеком, кто видел Юзейира Кур-

та в окружении солдат и охранников во дворе дома Хасана Килича, и тем не менее Комиссия считает ее показания заслуживающими доверия, хотя г-жа Курт отказалась от своих предыдущих жалоб в адрес сил безопасности (см. п. 30 и 32 выше). Более того, многие детали описанных ею событий неправдоподобны и противоречат показаниям других свидетелей (см. п. 30 и 31 выше).

92. Правительство упрекает Комиссию в том, что она не уделила должного внимания показаниям других жителей деревни, которые подтвердили, что Юзейир Курт не был арестован в деревне (см. п. 38 выше). В частности, Хасан Килич настаивал на том, что Юзейир Курт покинул дом вместе с заявительницей, когда во дворе дома не было никого из службы безопасности (см. п. 38 выше). Правительство сожалеет о том, что Комиссия не пожелала серьезно отнестись к официальной точке зрения, заключающейся в том, что, возможно, к исчезновению Юзейира Курта причастны бойцы КРП. Это предположение высказывали также и жители деревни, когда с ними беседовали представители власти (см. п. 38 выше).

93. На основании вышеизложенного Правительство считает, что отсутствуют веские доказательства того, что заявительница действительно видела своего сына при указанных ею обстоятельствах, и государство-ответчик не должно нести ответственности за исчезновение Юзейира Курта.

2. Оценка Суда

94. Суд отмечает, что из доклада Комиссии (п. 159—179, статья 31) очевидно, что Комиссия тщательно изучила все несоответствия и противоречия, встречающиеся в показаниях заявительницы и во встречных доводах Правительства.

95. В качестве независимого органа, в задачу которого входит выяснение фактической стороны дела, Комиссия столкнулась с утверждениями заявительницы, основанными на событиях, которые видела только она одна. Поэтому Комиссия придавала особое значение вопросу, заслуживают ли доверия ее показания и насколько точно она помнит события утра 25 ноября 1993 г. В этой связи необходимо отметить, что во время слушания дела в Анкаре г-жу Курт очень подробно расспрашивали об этих событиях как представители Комиссии, так и юристы, представлявшие Правительство. Несмотря на то, что имелись существенные расхождения между ее показаниями в Ассоциации по правам человека в Диярбакыре (см. п. 50 выше) и ее устными показаниями представителям Комиссии, заявительница тем не менее постоянно подчеркивала, что видела своего сына в деревне в окружении солдат и охранников.

96. По мнению Суда, Комиссия должным образом проанализировала представленные ей доказательства, тщательно сбалансировала все, что говорит как за так и против версии заявительницы. Несмотря на то, что Хасан Килич не явился в Комиссию по вызову для дачи показаний, тем не менее они — Правительство считало их в этом деле главным, — были тщательно изучены Комиссией наряду с показаниями г-жи Курт (см. п. 50 выше). Примечательно, что версия событий в изложении Хасана Килича имела существенные погрешности и противоречия. Поэтому факт его неявки в Комиссию означает, что в отличие от свидетельств потерпевшей доказательная ценность его показаний, сделанных в полиции, не может быть установлена путем состязательной процедуры.

97. Утверждение Правительства о том, что сына потерпевшей похитили бойцы КРП или что он сам покинул деревню, желая присоединиться к террористам, также было должным образом рассмотрено Комиссией. Однако эта версия основывалась главным образом на показаниях деревенских жителей, данных тем же офицерам полиции, на которых жаловалась заявительница (см. п. 38 выше), и, соответственно, эти показания, по мнению Комиссии, представляют незначительную ценность.

98. Суд напоминает, что, согласно его сложившейся практике, установление и проверка фактической стороны дела — это прежде всего задача Комиссии (статья 28 п. 1 и статья 31 Конвенции). Даже в той мере, в какой Суд не связан фактами, установленными Комиссией, и может сам оценивать факты в свете всех имеющихся в его распоряжении материалов, Суд использует эти свои полномочия лишь в исключительных случаях (см., например, решение по делу *Макканн и другие против Соединенного Королевства* от 27 сентября 1995 г. Серия А, т. 324, с. 50, п. 169; решение по делу *Аксой против Турции* от 18 декабря 1996 г., Reports 1996-VI, с. 2272, п. 38; решение по делу *Айден против Турции* от 25 сентября 1997 г., Reports 1997-VI, с. 1888-89, п. 70 и решение по делу *Ментес против Турции* от 28 ноября 1997 г., Reports 1997-VIII, с. 2709—2710, п. 66).

99. С учетом вышеизложенных соображений, основанных на тщательной оценке доказательств и отчетов слушаний, проведенных представителями Комиссии, Суд не считает, что в данном деле существуют исключительные обстоятельства, которые заставили бы его прийти к выводам, отличающимся от выводов, сделанных Комиссией. Суд считает, что имеется достаточно фактов и доказательств, на основании которых Комиссия, безусловно, сделала правильный вывод о том, что заявительница действительно видела своего сына во дворе дома Хасана Килича утром 25 ноября 1993 г. в окружении солдат и охранников, а также, что в тот день она видела своего сына последний раз.

В. Статья 2 Конвенции

100. Заявительница утверждает, что ряд фактов свидетельствует о том, что ее сын стал жертвой нарушения статьи 2 Конвенции, которая гласит:

“1. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

101. Заявительница подчеркивает, что ее сын исчез при обстоятельствах, которые представляли угрозу для его жизни. Она просит Суд при рассмотрении данного дела учитывать подходы и принципы, выработанные Американским судом по правам человека в его решении по делу *Веласкес Родригес против Гондураса* от 29 июля 1988 г., а также Комитетом по правам человека Организации Объединенных Наций в решении по делу

Мойик против Доминиканской Республики от 15 июля 1994 г. (см. п. 65—71 выше). Она также просит Суд подтвердить своим решением тот факт, что государство-ответчик нарушило взятые на себя в соответствии со статьей 2 Конвенции обязательства охранять жизнь ее сына. Заявительница утверждает, что такое решение может быть принято, даже несмотря на отсутствие прямых доказательств того, что ее сын был лишен жизни, когда был задержан властями государства-ответчика.

102. В этой связи заявительница утверждает, что на юго-востоке Турции имеют место многочисленные и хорошо документированные факты пыток людей, происходят необъяснимые случаи со смертельным исходом среди задержанных и арестованных лиц, равно как и случаи “исчезновения людей”. Все это дает ей основание не только для вполне убедительного предположения о том, что власти не выполнили свои обязательства по защите жизни ее сына в соответствии со статьей 2, но также, с учетом бесспорных свидетельств практики “исчезновения людей”, позволяет ей настаивать на своем утверждении, что ее сын стал жертвой грубейшего нарушения властями статьи 2 Конвенции. Заявительница утверждает, что Американский суд по правам человека в вышеупомянутом решении по делу *Веласкес Родригес против Гондураса* от 29 июля 1988 г. выразил готовность признать, что государство-ответчик нарушило право на жизнь, охраняемое Американской Конвенцией по правам человека, на основании именно такого рода доказательств.

103. Далее г-жа Курт заявляет, что собственная практика Европейского Суда содержит два дополнительных аргумента в пользу того, что государство-ответчик нарушило статью 2 Конвенции, поскольку установлено, что ее сын был заключен под стражу 25 ноября 1993 г., после чего исчез. Прежде всего власти не предоставили убедительного объяснения, как произошла его предполагаемая смерть. Учитывая подход Суда к свидетельским показаниям о плохом обращении с задержанным в решении по делу *Томази против Франции* от 27 августа 1992 г. (Серия А, т. 241), потерпевшая считает, что аналогичный подход должен быть применен *mutatis mutandis* и в отношении предполагаемой смерти ее сына. Далее, со ссылкой на решение по делу *Маккани и другие против Соединенного Королевства* от 27 сентября 1995 г. (Серия А, т. 324), заявительница утверждает, что тот факт, что власти не провели быстрого, добросовестного и эффективного расследования исчезновения ее сына, должен рассматриваться как отдельное нарушение статьи 2 Конвенции.

104. Правительство считает, что заявительница не имеет основания утверждать, что ее сын был арестован силами безопасности. Соответственно, не встает вопрос о нарушении статьи 2 Конвенции.

105. Комиссия считает, что при отсутствии каких-либо сведений о судьбе Юзейира Курта после его задержания в деревне не следовало бы делать вывод о том, что он явился жертвой нарушения статьи 2. Комиссия не согласна с выводами г-жи Курт о том, что есть основание полагать, будто ее сын мог быть убит в ситуации, угрожающей его жизни, или стать жертвой практики “исчезновения” людей. По мнению Комиссии, утверждение заявительницы о вине властей в исчезновении ее сына, а также о том, что власти после его исчезновения не приняли надлежащих мер с целью недопущения угрозы для его жизни, может быть рассмотрено в контексте статьи 5 Конвенции.

106. В этой связи Суд напоминает, что он согласился с фактами, установленными Комиссией, относительно ареста сына заявительницы солдатами и охранниками 25 ноября 1993 г. Почти четыре с половиной года нет никакой информации о его последующем местонахождении или судьбе. В данном случае опасения заявительницы относительно того, что ее сын мог быть лишен жизни арестовавшими его лицами, не лишены основания. Она утверждает, что по сути дела, существуют веские основания полагать, что ее сын был убит.

107. Тем не менее Суд, как и Комиссия, должен тщательно исследовать вопрос, действительно ли существуют конкретные несомненные доказательства того, что сын г-жи Курт был лишен жизни во время его задержания в деревне или после этого. В этой связи Суд отмечает, что в серии прошлых дел, когда речь шла о позитивной обязанности государства-участника в соответствии со статьей 2 провести эффективное расследование обстоятельств, приведших к противоправному лишению лица жизни представителями государства, всегда существовали конкретные доказательства перестрелки, приведшей к гибели людей, а это в свою очередь обязывало власти проводить расследования такого рода инцидентов (см. выше решение по делу Макканн и другие, а также решение по делу *Кайя против Турции* от 19 февраля 1998 г.).

108. С учетом изложенного необходимо отметить, что дело заявительницы целиком основывается на предположениях, связанных с обстоятельствами ареста ее сына, и эти предположения усиливаются при анализе ситуации в стране, где власти не расследуют и не пресекают случаи исчезновения людей и плохого обращения с задержанными, равно как и случаи лишения индивидуумов жизни без приговора суда. Тем не менее Суд считает, что сами по себе эти доводы явно недостаточны, чтобы восполнить отсутствие более веских доказательств того, что сын г-жи Курт был действительно лишен жизни после ареста. Что касается утверждения заявительницы о существующей практике нарушений *inter alia* статьи 2 Конвенции, то Суд полагает, что достаточными доказательствами г-жа Курт подтвердить его не может.

109. С учетом изложенного Суд считает, что утверждение заявительницы о том, что государство-ответчик не выполнило своих обязательств по защите жизни ее сына в указанных обстоятельствах, подпадает под действие статьи 5 Конвенции.

С. Применение статьи 3 по отношению к сыну заявительницы

110. Заявительница в дополнение к жалобе на нарушение статьи 2 Конвенции утверждает, что ее сын стал жертвой нарушения государством-ответчиком статьи 3, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

111. Приведя *mutatis mutandis* аргументы в поддержку своей жалобы по статье 2, г-жа Курт заявляет, что государство нарушило также и статью 3 Конвенции, поскольку сам факт исчезновения ее сына в стране, где отсутствуют основные гарантии прав человека, должен был причинить ему серьезную психологическую травму. Она собственными глазами видела, как ее сына избивали агенты сил безопасности, и этот факт позволил ей

предположить, что Юзейир подвергся физическим пыткам после ареста во дворе дома Хасана Килича.

112. Заявительница настаивает на том, что это предположение является более чем правдоподобным, ввиду широко распространенной в стране практики пыток задержанных и арестованных лиц. Со ссылкой на материалы, которые она использовала для обоснования своих утверждений о нарушении властями статьи 2, заявительница просила Суд вынести решение о том, что ее сын явился жертвой грубейшего нарушения статьи 3 по причине терпимости официальных властей к существующей в стране практике исчезновения лиц и плохого с ними обращения.

113. Кроме того власти не смогли дать удовлетворительного объяснения факту исчезновения ее сына и это само по себе является нарушением статьи 3, поскольку надлежащего расследования ее жалобы не проводилось.

114. Правительство отказывается признать факты, приведенные заявительницей в обоснование ее обвинений по статье 3.

115. Во время разбирательства дела представитель Комиссии пояснил, что вследствие отсутствия каких-либо свидетельств плохого обращения, которому, возможно, подвергался Юзейир Курт, находясь в заключении, Комиссия не считает возможным констатировать нарушение этой статьи и полагает, что жалобы заявительницы в отношении нарушения прав ее сына по статье 3, равно как и по статье 2, следует рассматривать в контексте статьи 5 Конвенции.

116. Суд согласен с заключением Комиссии и в этой связи отсылает к доводам, которые побудили его отклонить утверждения заявительницы о предполагаемом нарушении статьи 2 (см. п. 107—109 выше). В частности, заявительница не представила Суду какого-либо определенного доказательства того, что ее сын действительно явился жертвой плохого обращения с ним в нарушение статьи 3. Не смогла она также представить доказательства в обоснование своего утверждения о том, что государство-ответчик терпимо относится к практике исчезновения лиц, и плохого обращения с арестованными и задержанными.

117. Как Суд, так и Комиссия считают, что жалобы заявительницы на предполагаемое нарушение государством-ответчиком статьи 3 в отношении ее сына, равно как и статьи 2, следует рассматривать в контексте статьи 5 Конвенции.

D. Статья 5

118. Заявительница утверждает, что исчезновение ее сына повлекло за собой многочисленные нарушения положений статьи 5 Конвенции, которая в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

“1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а. законное содержание лица под стражей после его осуждения компетентным судом;

б. законный арест или задержание лица за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом;

с. законный арест или задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

.....

Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

Каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 настоящей статьи, незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки в суд.

Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

119. По утверждению заявительницы, уже одно то, что власти не подтвердили факта задержания ее сына, означает, что его лишили свободы незаконно, а это противоречит статье 5. Г-жа Курт утверждает, что сокрытие властями данных о местонахождении и судьбе ее сына поставило его вне рамок закона и, соответственно, привело к тому, что ему было отказано в гарантиях, предусмотренных п. 2, 3, 4 и 5 статьи 5 Конвенции.

120. Правительство еще раз подчеркнуло, что утверждения заявительницы относительно исчезновения ее сына бездоказательны и опровергаются результатами проведенного властями расследования. Следовательно, не возникает вопрос о нарушении Правительством статьи 5 Конвенции.

121. Комиссия считает, что исчезновение сына заявительницы затрагивает фундаментальные и весьма серьезные проблемы в свете статьи 5. Предоставляемые этой статьей гарантии имеют большое значение для обеспечения прав человека, предусмотренных статьями 2 и 3. Если будет установлено, что Юзейир Курт был задержан силами безопасности 25 ноября 1993 г., то ответственность за последующую судьбу сына заявительницы несут власти Турции. Правительство могло бы опровергнуть эту презумпцию путем предоставления достоверных и обоснованных объяснений по факту исчезновения Юзейира Курта, а также доказательств того, что властями были приняты эффективные меры по расследованию причин исчезновения и по выяснению его дальнейшей судьбы. Комиссия пришла к выводу о том, что ни одно из этих требований не выполнено. По этой причине Комиссия считает, что неподтвержденный властями факт задержания Юзейира Курта силами безопасности и его последующее исчезновение являются очевидным нарушением прав человека, предусмотренных статьей 5 Конвенции.

122. Суд подчеркивает основополагающее значение в демократическом обществе содержащихся в статье 5 гарантий прав лица от незаконного ареста или задержания властями. Именно по этой причине Суд неоднократно подчеркивал в своих решениях, что любое лишение свободы должно осуществляться не только в соответствии с основными процессуальными нор-

мами национального права, но также отвечать целям статьи 5, то есть защищать человека от произвола властей (см. среди прочего, решение по делу *Чахал против Соединенного Королевства* от 15 ноября 1996 г., Reports 1996-IV, с. 1864, п. 118). Это настоятельное требование по защите индивидуума от любого рода злоупотреблений со стороны властей подтверждается тем фактом, что статьи 5 п. 1 ограничивает обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях, хотя эти основания нельзя толковать расширительно, поскольку они являются исключениями из фундаментальных гарантий личной свободы человека (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Куин против Франции* от 22 марта 1995 г. Reports, т. 311, с. 17, п. 42).

123. Необходимо также подчеркнуть, что авторы Конвенции усилили защиту от произвольного лишения личности свободы, создав комплекс прав, призванных свести к минимуму опасность произвола и устанавливающих, что лишение свободы должно находиться под независимым судебным контролем и сопровождаться ответственностью властей за свои действия. Требования статьи 5 п. 3 и 4, подчеркивая незамедлительность судебного контроля, приобретают в этом случае особо важное значение. Незамедлительное вмешательство судебных органов может привести к обнаружению и предотвращению действий, представляющих угрозу для жизни лица, или к вскрытию фактов крайне плохого обращения, что является нарушением основных прав человека в свете статей 2 и 3 Конвенции. Речь идет как о защите физической свободы индивидуума, так и о его личной безопасности в ситуациях, когда отсутствие такого рода гарантий может подорвать верховенство права и лишить задержанного самых элементарных средств правовой защиты.

124. В этой связи Суд подчеркивает, что отказ властей подтвердить, что лицо задержано, свидетельствует о полном отрицании этих гарантий и о серьезнейшем нарушении статьи 5. Поскольку лицо оказалось под полным контролем властей, последние обязаны знать о его местонахождении. Именно поэтому статья 5 возлагает на них обязанность принять действенные меры с целью защиты индивидуума от риска его исчезновения и незамедлительно провести эффективное расследование в случае поступления жалобы на то, что конкретное лицо было арестовано, а затем бесследно исчезло.

125. С учетом вышеизложенного Суд согласен с выводом Комиссии о том, что Юзейир Курт был задержан солдатами и охраной деревни утром 25 ноября 1993 г. Это задержание не было документально оформлено. Официальная информация о его местонахождении или судьбе отсутствует. Данный факт сам по себе следует рассматривать как очень серьезное упущение властей, поскольку позволяет лицам, виновным в незаконном лишении свободы Юзейира Курта, скрыть свою причастность к преступлению, спрятать улики и избежать ответственности за судьбу арестованного. По мнению Суда, отсутствие данных о времени и месте задержания, имени задержанного, оснований для задержания и имени лица, осуществившего задержание, следует считать несовместимым с целями статьи 5.

126. Суд полагает, что с учетом настойчивости заявительницы, утверждающей, что ее сын был задержан властями, прокурору следовало отнестись к расследованию с большим вниманием. Уголовно-процессуальный кодекс (см. п. 59 выше) предоставлял ему для этого все необходимые полномочия. Тем не менее прокурор даже не попросил г-жу Курт объяснить ему, на чем основывается ее убеждение, что Юзейир арестован. Он также не

предложил ей подать письменную жалобу и не провел устного опроса. В противном случае прокурор мог бы представить ее свидетельские показания военному персоналу, участвовавшему в операции в деревне. Однако с таких позиций расследование не проводилось. Не были взяты свидетельские показания у солдат и охраны деревни, присутствовавших при аресте Юзейира Курта. Прокурор не пожелал идти дальше утверждения полиции о том, что, согласно имеющимся у нее данным, Юзейир Курт не был арестован в деревне и не содержался под стражей. Прокурор безоговорочно согласился с версией о том, что Юзейира Курта скорее всего похитили бойцы КРП во время военной операции в деревне. Эта версия определила дальнейшее отношение прокурора к расследованию и стала причиной принятия им некомпетентного решения.

127. Суд, как и Комиссия, считает, что в деле отсутствует прочная и достоверная доказательная база, подтверждающая причастность сил КРП к исчезновению сына заявительницы. Данная версия была спешно подготовлена полицией. Однако она не подкреплена какими-либо доказательствами. Не следует также полностью доверять показаниям, взятым 28 февраля 1994 г. офицером полиции у трех деревенских жителей, поскольку это были лишь предположения относительно судьбы Юзейира Курта. Вопросы, заданные жителям деревни, были сформулированы таким образом, что ответы на них подтверждали версию о причастности к похищению Юзейира Курта бойцов КРП (см. п. 18 выше). Кроме того, как это уже отмечалось ранее (см. п. 97 выше), утверждение Правительства о том, что сын заявительницы покинул деревню, чтобы присоединиться к КРП, также лишено прочной доказательной базы.

128. С учетом вышеизложенного Суд считает, что власти не смогли предоставить заслуживающую доверия информацию о местонахождении и судьбе сына заявительницы после его задержания в деревне. Они также не провели серьезного расследования данного дела, хотя на этом настаивала заявительница, утверждавшая, что ее сын задержан и она опасается за его жизнь. Власти, несущие ответственность за жизнь Юзейира Курта, не справились со своими обязанностями. Следует также признать, что сын заявительницы, который, по неподтвержденным данным, содержался под стражей, был полностью лишен гарантий, предусмотренных статьей 5 Конвенции.

129. Соответственно, Суд, равно как и Комиссия, находит, что в данном деле имеется особо грубое нарушение права личности на свободу и безопасность, гарантируемого статьей 5 Конвенции. Этот факт вызывает серьезную озабоченность за судьбу Юзейира Курта.

IV. О предполагаемом нарушении статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы

130. Заявительница утверждает, что она сама является жертвой бесчеловечного и унижающего достоинство обращения из-за исчезновения ее сына. Она просит Суд, равно как и Комиссию, признать, что испытываемые ею страдания и муки влекут за собой ответственность государства-ответчика в соответствии со статьей 3 Конвенции.

В поддержку своей позиции она ссылается на решение Комитета по правам человека ООН по делу *Кинтерос против Уругвая* от 21 июля 1983 г. (см. п. 71 выше), в котором говорится о том, что ближайшие родственники

бесследно исчезнувших людей также должны считаться жертвами бесчеловечного обращения.

131. Комиссия считает, что неопределенность, сомнения и дурные предчувствия, которые заявительница испытывает в течение уже долгого времени, причиняют ей тяжелые душевные муки и страдания. С учетом своего вывода о том, что сын г-жи Курт исчез по вине властей, Комиссия считает, что и сама заявительница подвергалась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в смысле статьи 3 Конвенции.

132. Правительство не согласно с заключением Комиссии, поскольку в деле отсутствуют достоверные доказательства, подтверждающие утверждения заявительницы о том, что ее сын был арестован силами безопасности. Выражая заявительнице свое сочувствие, Правительство в то же время не видит причинной связи между неподтвержденным фактом нарушения прав ее сына и ее душевными страданиями.

133. Суд отмечает, что даже если плохое обращение имеет минимальный характер, то и в этом случае оно подпадает под действие статьи 3 (см. решение по делу *Круз Варас и другие против Швеции* от 20 марта 1991 г., Серия А, т. 201, с. 31 п. 83). В этой связи Суд хотел бы напомнить, что заявительница обращалась в прокуратуру в первые дни после исчезновения сына. При этом она была уверена в том, что ее сын арестован, поскольку видела его задержание собственными глазами. В дальнейшем, после длительного отсутствия сына, она начала опасаться за его безопасность, что видно из двух ее жалоб от 30 ноября и 15 декабря 1993 г. (см. п. 39 и 42 выше). Однако прокурор не уделил ее обращению серьезного внимания и отдал предпочтение версии полиции о похищении г-на Курта силами КРП. В результате г-жа Курт осталась наедине со своим горем, будучи уверенной в том, что ее сын арестован и что о его дальнейшей судьбе нет никакой официальной информации. Эта неопределенность мучила ее в течение долгого времени.

134. С учетом изложенных выше обстоятельств, а также того факта, что заявительница, будучи матерью г-на Курта — жертвы нарушения прав человека, сама является жертвой безразличного отношения властей к ее душевным мукам и страданиям, Суд считает, что государство-ответчик нарушило в отношении заявительницы статью 3 Конвенции.

V. О предполагаемом нарушении статьи 13 Конвенции

135. Заявительница, с позицией которой согласна и Комиссия, утверждает, что неспособность властей провести эффективное расследование факта исчезновения ее сына является нарушением государством статьи 13 Конвенции. Правительство не согласно с таким заключением.

Статья 13 Конвенции гласит:

“Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

136. Заявительница согласна с позицией Комиссии, которая усматривает в данном деле нарушение статьи 13 (см. п. 138 ниже). В этой связи г-жа Курт подчеркивает, что официальное расследование ее жалобы было безрезультатным и у нее не оказалось достаточных внутренних средств право-

вой защиты. Все это свидетельствует об отсутствии у государства-ответчика эффективных средств защиты от серьезных нарушений прав человека, признаваемых Конвенцией.

137. Правительство вновь утверждало, что когда заявительница впервые обратилась в прокуратуру, она не высказывала опасения, что ее сын незаконно арестован или что его жизнь находится в опасности. Она просто хотела выяснить, действительно ли он задержан властями. При этом г-жа Курт не жаловалась на действия властей. Правительство подчеркнуло, что в этих обстоятельствах были приняты необходимые меры для установления местонахождения сына заявительницы. Было проведено соответствующее расследование (см. п. 39—43 выше). Офицеры полиции 23 февраля и 7 декабря 1994 г. взяли показания у жителей деревни, которые подтвердили официальную точку зрения о том, что сына заявительницы либо похитили бойцы КРП, либо он сам покинул деревню, чтобы присоединиться к террористам (см. п. 38 выше). Поэтому нет основания для констатации нарушения Правительством статьи 13 Конвенции.

138. Комиссия полагает, что заявительница действительно довела до сведения прокурора суть своей жалобы, но она не была серьезно рассмотрена. Прокурор не проводил дальнейшего расследования, поскольку в соответствии с отчетом полиции ее сын не был арестован. Не были взяты показания у солдат или охранников, участвовавших в военной операции в деревне. Неадекватность и неэффективность расследования еще более усугубились тем обстоятельством, что свидетельские показания очевидцев брали именно те офицеры полиции, на действия которых жаловалась заявительница (см. п. 38 выше). В связи с этим Комиссия усматривает нарушение турецкими властями статьи 13 Конвенции.

139. Суд напоминает, что статья 13 гарантирует возможность использования средств правовой защиты основных прав и свобод, установленных Конвенцией, на национальном уровне даже если нарушение совершено лицами действовавшими в официальном качестве. При этом государствам-участникам предоставлена свобода усмотрения в отношении форм и методов соблюдения положений статьи 13.

Объем обязательств государства в рамках статьи 13 различен и зависит от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Однако в любом случае средства правовой защиты согласно статье 13 должны быть “эффективными” с практической и юридической точек зрения, особенно в том смысле, что власти государства-ответчика не должны своими действиями или бездействием неоправданно препятствовать их применению (см. вышеупомянутые решения по делу Аксоя, с. 2286, п. 95, по делу Айдена и по делу Кайя).

140. В настоящем деле заявительница жалуется на то, что ей было отказано в “эффективном” средстве правовой защиты, которое могло бы пролить свет на местонахождение ее сына. В своей жалобе в прокуратуру она утверждала, что ее сын арестован и она обеспокоена за его жизнь, поскольку не видела его с 25 ноября 1993 г. По мнению Суда, если имеется жалоба, что чей-то родственник исчез по вине властей, то в этом случае понятие эффективного средства правовой защиты для целей статьи 13 предусматривает проведение тщательного и эффективного расследования для выявления и наказания лиц, несущих за это ответственность. Это понятие включает в себя также возможность эффективного доступа родственников к

информации о ходе расследования. При таком подходе обязательства государства-участника по статье 13 оказываются шире, чем его обязательства по статье 5, в том, что касается проведения эффективного расследования по факту исчезновения лица, в отношении которого, доказано, что оно задержано, и за которое власти несут ответственность.

141. По причинам, которые указаны выше (см. п. 124 и 126), г-жа Курт обратилась к властям с жалобой на арест своего сына. Эта жалоба так и не стала предметом серьезного расследования, поскольку ей предпочли безосновательную и поспешную версию о похищении сына г-жи Курт бойцами КРП. Прокурор в соответствии с законами страны обязан был провести расследование по имеющимся обвинениям в незаконном лишении свободы (см. п. 59). Безразличное отношение прокурора к настойчивым утверждениям заявительницы о том, что ее сына никто не видел с момента задержания, вряд ли совместимо с его функциями и равносильно созданию прокурором препятствий для эффективного использования заявительницей других правовых средств, которые, возможно, имелись в наличии (см. п. 56—61).

142. С учетом, в частности, того, что власти не провели сколько-нибудь серьезного расследования, Суд находит, что заявительница была лишена эффективного средства правовой защиты по ее жалобе на исчезновение ее сына при обстоятельствах, влекущих за собой ответственность властей.

Поэтому Суд констатирует нарушение статьи 13 Конвенции.

VI. О предполагаемом нарушении статей 2, 3 и 5 в сочетании со статьей 14 Конвенции.

143. Заявительница утверждает, что факты исчезновения людей относятся в первую очередь к лицам курдской национальности. В связи с этим она делает вывод о том, что ее сын стал жертвой нарушения властями статьи 14 Конвенции, которая гласит:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам”.

144. Заявительница утверждает, что она приняла решение подать эту жалобу после изучения докладов, опубликованных в период 1991—1995 гг. Рабочей группой ООН по насильственным исчезновениям людей.

145. Правительство отвергает это обвинение как не основанное на фактах. Оно подчеркивает, что Конституция Турции гарантирует всем гражданам страны равные права независимо от *inter alia* их национальной принадлежности, расы или религии.

146. По заключению Комиссии, заявительница не предоставила никаких доказательств в обоснование нарушения властями статьи 14.

147. Суд согласился с выводами Комиссии. Доказательства, представленные заявительницей в поддержку этой жалобы, недостаточны для вывода о том, что ее сын был преднамеренно задержан и бесследно исчез по причине своей этнической принадлежности. Соответственно, по данной жалобе заявительницы Суд не находит нарушения Конвенции.

VII. О предполагаемом нарушении статьи 18 Конвенции

148. Заявительница жалуется на то, что государство-ответчик сознательно допускает практику исчезновения людей и не принимает никаких мер для ее прекращения. Г-жа Курт подчеркивает, что указанное выше отношение властей к данной проблеме свидетельствует о нарушении статьи 18 Конвенции, которая гласит:

“Ограничения, допускаемые по настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они были предусмотрены”.

149. В поддержку своего утверждения заявительница указывает, что власти нарушают внутреннее законодательство, регулирующее задержания и аресты людей. Доказательство она видит в том, что власти не ведут протоколы задержания. Этот пробел позволяет им обходить внутренние правила процедуры задержания и ареста, поскольку власти обычно просто отрицают наличие подобных фактов.

150. Правительство не согласилось с этим обвинением. Оно заявило в Суде, что всегда требует от военных властей соблюдения законов несмотря на то, что военные власти наделены чрезвычайными полномочиями и действуют в условиях крайне сложной и опасной обстановки в юго-восточной части Турции.

151. По заключению Комиссии, г-жа Курт не представила обоснований своей жалобы по статье 18.

152. Суд согласен с выводами Комиссии о том, что заявительница не обосновала свою жалобу. Суд отмечает также, что данная жалоба схожа с утверждениями о существующей практике нарушения Конвенции, которую следует рассмотреть отдельно (см. п. 169 ниже).

VIII. О предполагаемом нарушении статьи 25 п. 1 Конвенции

153. Заявительница просит Суд согласиться с выводами Комиссии о том, что на нее оказывалось давление со стороны властей с целью побудить ее отозвать свою жалобу, поданную в Комиссию, при обстоятельствах, являющихся нарушением статьи 25 п. 1 Конвенции, где говорится:

“1. Комиссия может принимать жалобы, направленные в адрес Генерального секретаря Совета Европы, от любого лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции, при условии, что Высокая Договаривающаяся Сторона, на которую подана жалоба, заявила, что она признает компетенцию Комиссии принимать такие жалобы. Те из Высоких Договаривающихся Сторон, которые сделали такое заявление, обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права”.

154. Далее заявительница утверждает, что принятые властями меры по возбуждению уголовного дела против ее адвоката в связи с его заявлениями по поводу обращения г-жи Курт в Комиссию, несовместимы с обязательствами, принятыми на себя Турцией в соответствии со статьей 25 п. 1 (см. п. 25 выше). Она повторно указала на обнаруженные Комиссией наруше-

ния государством-ответчиком данной нормы Конвенции и на сделанные Комиссией выводы по этому вопросу.

155. Правительство категорически отвергло эти утверждения. Оно заявило, что представители Ассоциации по правам человека Диярбакыра постоянно использовали заявительницу в целях пропаганды для того, чтобы очернить силы безопасности. Г-жа Курт была озабочена лишь установлением местонахождения своего сына. Однако, сама того не желая, она была вовлечена в кампанию дезинформации, развязанную Ассоциацией против турецкого государства.

156. Правительство настаивает на том, что власти ни при каких обстоятельствах не оказывали давления на заявительницу с тем, чтобы заставить ее отозвать свою жалобу, поданную в органы Конвенции. Г-жа Курт дважды по собственной инициативе посещала нотариуса в Бизмиле, чтобы дезавуировать лживые измышления, внесенные Ассоциацией по правам человека в текст ее жалобы. В этой связи Правительство подчеркнуло, что заявительница еще раньше на слушаниях в Анкаре подтвердила представителям Комиссии, что на нее не оказывалось никакого давления с целью принудить ее отозвать свою жалобу. Этот факт подтверждается и Арапом Куртом, который сопровождал заявительницу в нотариальную контору. Он сообщил, что решение отозвать свою жалобу, ранее поданную в Комиссию, г-жа Курт приняла самостоятельно.

157. Правительство считает ошибочным заключение Комиссии о нарушении статьи 25 п. 1 в связи с намерением властей возбудить уголовное дело против адвоката заявительницы г-на Сакара. Правительство сообщило, что им действительно проводилось расследование в отношении г-на Сакара по поводу его помощи КРП и подстрекательства к совершению преступления. Вместе с тем Правительство никогда не допустило бы преследования адвоката за его участие в настоящем деле, разве что он оказался бы членом террористической организации. В этом случае обвинение основывалось бы на статье 168 п. 2 Уголовного кодекса Турции.

158. Комиссия пришла к заключению, что власти не оказывали на заявительницу прямого давления. Однако обстоятельства двух визитов г-жи Курт в нотариальную контору Бизмила указывают на то, что имело место неподобающее косвенное давление. Более того, угроза возбудить уголовное преследование против ее адвоката также свидетельствует о серьезном нарушении властями права на подачу индивидуальной жалобы.

На этом основании Комиссия считает, что государство нарушило свои обязательства, вытекающие из статьи 25 п. 1.

159. Суд напоминает, что для эффективного действия статьи 25, чрезвычайно важно, чтобы заявители или возможные заявители могли свободно обращаться в Комиссию, не подвергаясь при этом какой-либо форме давления со стороны властей с целью склонить их к отзыву своих жалоб или к изменению их содержания (см. вышеупомянутое решения по делу Акдивар и другие и по делу Аксоя).

160. Понятие “давление” включает в себя не только прямое принуждение и вопиющие случаи запугивания заявителей, возможных заявителей, а также их ближайших родственников, но и недопустимые косвенные действия или контакты, призванные разубедить заявителей или воспрепятствовать осуществлению их права на защиту в соответствии с Конвенцией.

Суд неоднократно отмечал, что вопрос о том, являются ли контакты между властями и заявителем или возможным заявителем неприемлемыми с точки зрения статьи 25, должен решаться с учетом конкретных обстоятельств каждого отдельного дела. В этой связи необходимо принимать во внимание уязвимость потерпевшего и его подверженность влиянию, которое могут оказывать на него власти. Учитывая уязвимое положение односельчан заявительницы и реальную ситуацию на юго-востоке Турции, когда жалобы на действия властей влекут за собой вполне оправданные опасения их ответных действий, Суд полагает, что сам факт выяснения у заявителей содержания их жалобы в Комиссию равносителен противоправному и недопустимому давлению со стороны властей, препятствующему осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы, и тем самым представляет собой нарушение статьи 25 Конвенции (см. вышеупомянутое решение по делу Акдивар и другие).

161. С учетом обстоятельств настоящего дела следует отметить, что власти, начиная с 19 ноября 1994 г., несколько раз беседовали с заявительницей после того, как Комиссия информировала Правительство о поступлении жалобы (см. п. 20—24 выше). Затем 9 декабря 1994 г. после беседы с прокурором Бизмила (см. п. 20 выше) г-жа Курт направила заявления в Ассоциацию по правам человека Диярбакыра и в Министерство иностранных дел, в которых дезавуировала все жалобы, поданные ранее от ее имени.

162. Суд не убежден, что упомянутые выше заявления, написанные вскоре после того, как Правительство получило информацию о поступлении жалобы в Комиссию и после разговора г-жи Курт с прокурором, были сделаны по инициативе заявительницы. Суд также не удовлетворен объяснением Правительства, что два визита заявительницы к нотариусу 6 января и 10 августа 1995 г. были предприняты ею по собственной инициативе. Комиссия обратила внимание на то, что в нотариальную контору заявительницу сопровождал военнослужащий в форме (см. п. 158 выше). При этом с нее не взяли плату за составление текста документа, целью которого был отзыв ее жалобы, поданной ранее в Комиссию. С учетом изложенного, вопреки доводам Правительства, нельзя утверждать, что оба визита к нотариусу не были организованы властями.

163. В связи с этим Суд полагает, что на заявительницу было оказано косвенное неправомерное давление с целью побудить ее направить заявление в Комиссию в отношении поданной ранее жалобы. Такое давление является нарушением права на подачу индивидуальной жалобы согласно статье 25 Конвенции.

164. Что касается угрозы уголовного преследования адвоката заявительницы, то Суд не согласен с утверждением Правительства о том, что такое преследование никоим образом не было связано с жалобой г-жи Курт в Комиссию (см. п. 157 выше). Угроза преследования адвоката имела непосредственную связь с обвинениями в адрес государства, содержащимися в жалобе, поданной в Комиссию г-ном Сакаром от имени г-жи Курт. Несмотря на то, что жалоба г-жи Курт, направленная в Комиссию, содержала некоторые утверждения, признанные впоследствии неверными и от которых она затем отказалась, следует подчеркнуть, что задача рассмотрения существа жалобы является прерогативой Комиссии с учетом полномочий, которыми она располагает для выяснения фактов, а также возможностей

правового характера, которые Конвенция предоставляет государству-ответчику с тем, чтобы оно могло оспорить выдвинутые против него обвинения. Что касается властей, то они не должны вмешиваться в этот процесс, угрожая уголовным преследованием представителя заявительницы.

165. По вышеуказанным причинам попытки властей возбудить уголовное преследование против адвоката заявительницы, даже если эти действия не имели правовых последствий, следует рассматривать как вмешательство в осуществление ее права на подачу индивидуальной жалобы, несовместимое с обязательствами государства-ответчика в соответствии со статьей 25 Конвенции.

IX. Предполагаемая административная практика нарушения Конвенции

166. Заявительница просит Суд принять к сведению, что на юго-востоке Турции существует практика “исчезновения” людей, являющаяся грубейшим нарушением статей 2, 3 и 5 Конвенции. В этой связи она ссылается на доклады Рабочей группы ООН по насильственным исчезновениям людей и, в частности, на доклад 1994 г., в котором содержатся указания на то, что самое большое число случаев исчезновения людей в 1994 г. было отмечено именно в Турции.

Далее заявительница утверждает, что в юго-восточных районах страны внутренние средства правовой защиты являются неэффективными, чему способствует позиция властей, и это является серьезнейшим нарушением статьи 13 Конвенции. Г-жа Курт ссылается при этом на убедительные доказательства отрицания властями фактов пыток, а также бесследного исчезновения арестованных и задержанных лиц. Прокуратура систематически отказывается вести расследования по жалобам потерпевших или таковые заканчиваются безрезультатно. Поскольку именно прокуратура играет ключевую роль в обеспечении средств правовой защиты, можно сделать вывод, что на юго-востоке Турции эти средства являются совершенно неэффективными. При этом власти безразлично относятся к создавшемуся положению.

167. Правительство отвергает указанные обвинения г-жи Курт.

168. Комиссия, со своей стороны, считает, что нет необходимости выяснять, существует или нет у государства-ответчика практика сокрытия властями арестов и задержания людей, как об этом заявляет г-жа Курт. Что касается неэффективности средств правовой защиты, представитель Комиссии проинформировал Суд о том, что Комиссия также не сочла необходимым рассматривать этот аспект жалобы г-жи Курт, когда она изучала вопрос о ее приемлемости.

169. Суд напоминает, что ранее он уже отклонил жалобу заявительницы на то, что в стране существует практика нарушения статей 2 и 3 Конвенции, поскольку, по мнению Суда, заявительница не обосновала свои утверждения (см. п. 108 и 109 выше). Суд не убежден также, что представленные г-жой Курт доказательства, могут являться свидетельством нарушения статьи 5 или статьи 13 Конвенции.

X. Применение статьи 50 Конвенции

170. Заявительница требует компенсации морального вреда, а также возмещения судебных издержек и расходов, предусмотренных статьей 50, которая гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

А. Моральный вред

171. Заявительница утверждает, что она и ее сын явились жертвами конкретных нарушений Конвенции, а также практики таких нарушений. Она просит Суд о выплате ей денежной суммы в 70 000 английских фунтов стерлингов, которую она обосновывает следующим образом: 30 000 фунтов стерлингов в пользу сына в связи с его исчезновением, а также отсутствием гарантии и механизмов эффективного расследования; 10 000 фунтов стерлингов — в возмещение страданий, причиненных ей исчезновением сына, и вследствие невозможности получения эффективной внутригосударственной правовой защиты; 30 000 фунтов стерлингов — компенсация ей и ее сыну в связи с тем, что они оба явились жертвами практики “исчезновения людей” на юго-востоке Турции.

172. Представитель Комиссии не сделал заявления по поводу суммы, на которую претендует заявительница.

173. Правительство считает, что г-жа Курт не обосновала свои жалобы как в отношении исчезновения ее сына, так и существующей практики нарушения Конвенции на юго-востоке Турции. А ведь именно на этом ее убеждении и основывается причинная связь между исчезновением сына и ее собственными, как она говорит, страданиями. В связи с этим Правительство просит Суд отклонить непомерные и неоправданные требования г-жи Курт о компенсации.

174. Суд напоминает, что он уже признал нарушение государством-ответчиком статьи 5 в отношении сына заявительницы. Поэтому Суд считает, что, в силу тяжести данного нарушения Конвенции, должна быть выплачена заявительнице компенсация в пользу ее сына. Суд присуждает 15 000 фунтов стерлингов, которые после выплаты храниться у заявительницы для сына и его наследников.

175. Поскольку власти не оказали помощь г-же Курт в установлении местонахождения ее сына, в результате чего было констатировано нарушение статей 3 и 13 в отношении заявительницы, Суд считает оправданной выплату компенсации г-же Курт и, соответственно, присуждает ей 10 000 фунтов стерлингов.

В. Судебные издержки и расходы

176. Заявительница претендует на общую сумму 25 453,44 фунта стерлингов в компенсацию судебных издержек и расходов, понесенных при защите своих прав и прав своего сына в органах Конвенции. Она представила Суду следующие документы, подтверждающие произведенные ею расходы: гонорары за услуги ее британских адвокатов (19 285,42 фунта стерлингов); гонорары за услуги турецких адвокатов (825 фунтов стерлингов); административные расходы (70,22 фунта стерлингов); административные расходы в

Турции (1050 фунтов стерлингов); расследования и административная помощь со стороны Проекта по правам человека Курдистана (2400 фунтов стерлингов); почтовые, телеграфные, телефонные и другие расходы, понесенные Проектом по правам человека Курдистана (635 фунтов стерлингов); услуги переводчика, предоставленного Проектом по правам человека Курдистана (690 фунтов стерлингов); услуги переводчиков на слушаниях в присутствии представителей Комиссии (275,60 фунта стерлингов); гонорар за услуги турецкого адвоката, приглашенного на слушания, организованные представителями Комиссии (122,20 фунта стерлингов); подготовка материала для суда (100 фунтов стерлингов).

177. Представитель Комиссии никак не прокомментировал эти требования.

178. Правительство категорически отказалось от возмещения заявительнице понесенных ею расходов. Во-первых, Ассоциация по правам человека Диярбакыра старалась всеми путями обойти внутреннее законодательство Турции, лишив тем самым турецкие суды возможности вынести соответствующее решение по жалобе заявительницы. Во-вторых, привлечение иностранных адвокатов для рассмотрения дела в органах Конвенции не было оправданно и лишь увеличило судебные издержки и расходы.

179. Суд отмечает, что проблемы, поднятые этим делом, чрезвычайно сложны и потребовали от законных представителей заявительницы серьезных исследований и анализов. С учетом того, что заявительница располагает свободой выбора своего представителя, факт обращения г-жи Курт к британским адвокатам, специализирующимся в области защиты прав человека на международном уровне, не может являться предметом критики. Изучив документы, подтверждающие расходы заявительницы, и основывая свое решение на принципе справедливости, Суд присуждает ей 15 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации судебных издержек и расходов за услуги британских и турецких адвокатов, а также налог на добавленную стоимость, который может быть уплачен с этой суммы, за вычетом суммы, полученной г-жой Курт в качестве бесплатной судебной помощи от Совета Европы.

180. С другой стороны, Суд не убежден в обоснованности суммы (3725 фунтов стерлингов), на которую претендует Проект по правам человека Курдистана, поскольку Суду не были предоставлены данные о конкретном участии Проекта в подготовке материалов дела. Соответственно, данное требование г-жи Курт отклоняется.

С. Проценты за просрочку выплаты компенсации

181. Согласно имеющейся у Суда информации, предусмотренная законом процентная ставка, действующая в Великобритании на дату принятия настоящего решения, составляет 8% годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Отклонил* единогласно предварительное возражение Правительства относительно недействительности жалобы заявительницы;

2. *Отклонил* единогласно предварительное возражение Правительства относительно того, что заявительница не исчерпала внутригосударственных средств правовой защиты;

3. *Постановил* единогласно, что нет необходимости выносить решение по жалобе заявительницы по статье 2 Конвенции;

4. *Постановил* единогласно, что нет необходимости выносить решение по жалобе заявительницы по статье 3 Конвенции в отношении ее сына;

5. *Постановил* шестью голосами против трех, что имеет место нарушение статьи 5 Конвенции;

6. *Постановил* шестью голосами против трех, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы;

7. *Постановил* семью голосами против двух, что имеет место нарушение статьи 13 Конвенции;

8. *Постановил* единогласно, что нарушение статьи 14, взятой в сочетании со статьями 2, 3 и 5 Конвенции, не имеет места;

9. *Постановил* единогласно, что нарушение статьи 18 Конвенции не имеет места;

10. *Постановил* шестью голосами против трех, что государство-ответчик не выполнило своих обязательств в соответствии со статьей 25 п. 1 Конвенции;

11. *Постановил* десятью голосами против одного,

(а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявительнице в возмещение морального ущерба 15 000 фунтов стерлингов, которые должны быть конвертированы в турецкие лиры по обменному курсу, действующему на дату выплаты этой суммы. Указанная сумма должна храниться у заявительницы для сына и его наследников;

(б) что государство-ответчик должно выплатить заявительнице в течение трех месяцев в возмещение морального ущерба 10 000 фунтов стерлингов, которые должны быть конвертированы в турецкие лиры по обменному курсу, действующему на дату выплаты этой суммы;

(с) что по истечении указанных выше трех месяцев вплоть до даты выплаты этих сумм будут начисляться проценты исходя из ставки 8% годовых;

12. *Постановил* восемью голосами против одного,

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявительнице в течение трех месяцев в качестве возмещения судебных издержек и расходов 15 000 фунтов стерлингов плюс налог на добавленную стоимость, который может быть уплачен с этой суммы, за вычетом 27 763 французских франков, которые должны быть конвертированы в фунты стерлингов по курсу, действующему на дату принятия настоящего решения;

(б) что по истечении указанных выше трех месяцев вплоть до даты выплаты этой суммы будут начисляться проценты исходя из ставки 8% годовых;

13. *Отклонил* единогласно остальные требования заявительницы о справедливом удовлетворении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 25 мая 1998 года.

Герберт Петцольд
Грефье

Рудольф Бернхардт
Председатель

В соответствии со статьями 51 п. 2 Конвенции и 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАТШЕРА

Осознавая трудности, с которыми сталкивается Комиссия в судебных делах подобного характера, я тем не менее считаю, что в данном деле использованный Комиссией метод установления фактов, с которыми согласился Суд, явился столь поверхностным и неэффективным, а процедура анализа этих фактов — настолько неудовлетворительной, что, на мой взгляд, отсутствует достаточно надежная основа для утверждения о том, что имело место нарушение Конвенции. Более того, тщательное изучение краткого изложения выявленных Комиссией фактов (см. п. 45—53 судебного решения) подтверждает эту точку зрения настолько, что нет необходимости вдаваться в подробности.

И, наконец, в данном деле, как и в деле Ментеша, заявительница не смогла представить таких доказательств справедливости ее обвинений, которые не вызывали бы вполне обоснованных сомнений в их достоверности.

С другой стороны, я голосовал за постановление Суда о том, что имело место нарушение статьи 13, поскольку в таком серьезном деле, как это, власти государства-ответчика не смогли провести тщательное и добросовестное расследование.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЁЛЬКЮКЛЮ

Я полностью согласен с особым мнением судьи Матшера по делу Курт против Турции, за исключением последнего абзаца, касающегося нарушения статьи 13 Конвенции.

В отношении этой статьи я голосовал вместе с теми, кто не усмотрел ее нарушения в данном деле, поскольку фигурирующие в нем факты не были доказаны и не могут не вызывать вполне обоснованных сомнений. Суть жалобы заявительницы, которая ссылаясь на статью 13, состояла в отсутствии надлежащего и эффективного расследования по факту предполагаемого исчезновения ее сына. Однако в деле не было отдельного вопроса, относящегося к статье 13. В этой связи я хочу сослаться на свое особое мнение по делу *Кайя против Турции*, решение по которому было принято Судом 19 февраля 1998 года.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕТТИТИ

Я голосовал вместе с меньшинством членов Суда по постановляющей части решения в отношении статей 5 и 13 и с большинством его членов по постановляющей части, относящейся к статьям 2, 3, 13, 14 и 18. Что касается лично г-жи Курт, то я голосовал с меньшинством по постановляющей части решения, касающейся статей 3 и 25 Конвенции.

Я не нашел в настоящем деле нарушений (статья 5) по причине аргументации, одобренной большинством членов Суда.

Большинство моих коллег отнеслись к этому делу таким образом, как если бы некий международный уголовный суд по принципу внутреннего убеждения рассматривал дело человека, подозреваемого в серьезном преступлении, то есть по стандартам уголовных судов Франции и Бельгии. Этот стандарт обычен, когда судят физическое лицо, показания которого соотносятся с показаниями всех свидетелей.

Дело Курт касается предполагаемого исчезновения человека. Согласно обычному уголовному праву, исчезновение лица может включать случаи его бегства, заключения в тюрьму по ошибке или похищения.

Согласно публичному международному праву, может существовать практика систематического исчезновения людей в связи с мотивами политического характера, как это имело место в Бразилии, Чили и Аргентине.

В подобных случаях, особенно когда они подтверждены Европейским Комитетом по предотвращению пыток, одно или несколько государств — членов Совета Европы должны подать жалобу в отношении того государства, которое подозревается в подобном нарушении Конвенции. Представляется малодушием заменить такой подход решением Суда на основании жалобы одного лица. Аналогичное заявление от имени государства привело бы к международному региональному расследованию и дало бы возможность объективно и добросовестно оценить создавшееся положение. Я мог бы усмотреть нарушение, если бы дело касалось армейских и полицейских приказов и инструкций как в отношении проверки операций, проводимых службой безопасности, так и в отношении проверки исполнения этих приказов и инструкций, а также установления последствий их исполнения. Тогда бы это соответствовало судебной практике по делам *Ирландия против Соединенного Королевства* (решение от 18 января 1978 г.) и *Макканн и другие против Соединенного Королевства* (решение от 27 сентября 1995 г.), то есть касалось бы отдачи ошибочных приказов, ненадлежащего контроля, фактов небрежности, отсутствия проверки исполнения.

В системе Европейской Конвенции по правам человека ответственность государства-члены за просчеты своих властных структур, означает, что именно Суд должен назвать те конкретные государственные структуры, в том числе полицейские и армейские подразделения, которые несут ответственность за соответствующие нарушения закона. Существенным недостатком в деле Курт является отсутствие расследования, подобного тому, какое проводится по делам, рассматриваемым Международным судом в Гааге, а также то, что один из основных свидетелей и командный состав полицейского подразделения не давали свидетельских показаний в суде. Комиссия также признала, что у нее имеются сомнения на этот счет. Большинство членов Суда сделали соответствующие выводы, исходя из своего внутреннего убеждения, на основании предположения о том, что сын г-жи Курт в течение длительного времени содержится властями в заключении. На мой взгляд, такой подход является проявлением “ереси” в международной сфере, так как данное дело могло бы быть рассмотрено с учетом судебной практики на основании статьи 5, предусматривающей предоставление Суду объективных доказательств и документов, которые, вне всякого сомнения, могли бы убедить судей. Однако такого рода документы, равно как и свидетели, в настоящем деле отсутствуют.

Кроме того, дело Курт произошло в других условиях, чем дела, которые рассматривал Американский суд по правам человека.